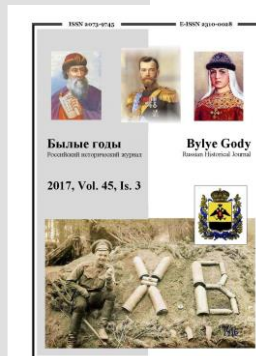

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 821-835, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.821
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders

Evgeniy F. Krinko ^{a, b, *}, Sergey J. Suschiy ^{a, b}, Anvar M. Mamadaliev ^{c, d}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Russian Federation

^c International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The Caucasian War resulted in particular negative demographic consequences. However, the dynamics of the population of the North Caucasus was influenced not only by military operations, but also by other factors. Military actions are not considered a demographic catastrophe for the highlanders; many of them retained their strength and military potential. Childhood supermortality remained the central factor of the increased demographic decline of the highlanders throughout the century. Significant changes in the size and composition of the region's population occurred after the war. They were caused by the resettlement of some highlanders into the Ottoman Empire and the settlement of these territories by representatives of other peoples.

There is no reliable statistics on the population of the North Caucasus during the Caucasian War. The article is based on the data from various researchers on the losses of the population and the Russian army during the Caucasian War, as well as the materials of the First All-Russian Population Census, 1897.

Keywords: Caucasian war, military losses, highlanders of the North Caucasus, demographic statistics, ethno-demographic processes, mahajirism.

1. Введение

Демографические аспекты истории Северного Кавказа в XIX в. давно привлекали внимание исследователей. Однако сколько-нибудь надежные статистические данные о численности различных этнических и социальных групп населения региона появились только в конце XIX в. Именно завершение Кавказской войны и включение горских сообществ в состав Российской империи позволили организовать систему учета местного населения. Поэтому исследователи этнодемографических процессов в предыдущие периоды вынуждены, помимо статистики населения (заведомо фрагментарной и противоречивой) использовать косвенные источники демографической информации и прибегать к серьезным допущениям, позволяющим хотя бы в общем виде реконструировать динамику численности народов региона.

Первые оценки численности народов Северного Кавказа в XIX в. были даны современниками и участниками Кавказской войны, не имевшими в своем распоряжении достоверных свидетельств. Среди советских и российских исследователей выделим работы Н.Г. Волковой, посвященные демографии Северного Кавказа XVIII–XIX вв. (Волкова, 1974) и В.М. Кабузана (Кабузан, 1996а), рассчитавшего динамику ведущих народов региона с конца XVIII в. Изменения численности чеченцев и ингушей в XIX в. детально проанализированы С. Максудовым (Максудов, 2010). Численность населения Дагестана после Кавказской войны исследовали М.А. Ибрагимов (Ибрагимов,

* Corresponding author

E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko), anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

1981) и М.О. Османов (Османов, 1974). Повышенной дискусионностью отличается проблема численности черкесских племен, которой посвящены работы А.Х. Бижева (Бижев, 1994), З.Б. Кипкеевой (Кипкеева, 2008), С.Г. Кудавой (Кудавая, 2014) и других авторов. Потери русской армии в Кавказской войне впервые систематизировал А.Л. Гизетти (Гизетти, 1901). В настоящее время эти вопросы анализируют и другие исследователи (Cherkasov et al., 2017 и др.). Тем не менее, рассматриваемая проблема по-прежнему включает в себе множество «белых пятен».

2. Материалы и методы

Статья основана на разнообразных источниках информации, характеризующих различные аспекты демографии народов Северного Кавказа XIX в.: динамику их численности, показатели естественного воспроизводства, гендерно-возрастную структуру. Это оценки специалистов-демографов, статистические данные, собранные современниками Кавказской войны, материалы первой всероссийской переписи населения 1897 г. Поскольку со стороны горцев воевала не регулярная армия, а, по сути, народное ополчение, прямые военные потери приходится не отдельную социопрофессиональную группу, а в той или иной степени на все мужское население в возрасте от 15–17 до 45–50 лет. Тем самым, в задачи исследования входила оценка динамики численности данной военнообязанной части населения горских сообществ, а также их общего демографического потенциала на различных этапах Кавказской войны. Принимая в расчет фрагментарность и противоречивость информации о боевых потерях горцев, для сравнительного изучения привлекались аналогичные материалы по русской армии (Гизетти, 1901). При анализе собранной эмпирической информации использовались общенаучные методы логического анализа, источниковедческий метод работы с историческими источниками, а также статистические методы анализа количественных данных. Собранные сведения систематизировались и обобщались в виде таблиц и диаграмм.

3. Обсуждение и результаты

Хронологические рамки Кавказской войны – предмет научной дискуссии. Одни авторы считают началом войны конец XVIII в., другие – 1801 г., третьи – 1817 г. Есть и те, кто выделяет в ее хронологических рамках несколько «кавказских войн». В нашем исследовании логично взять за отправную точку анализа начало XIX в., которое отделяет от периода более активных боевых действий полтора относительно «мирных» десятилетия. Наиболее детализированную оценку численности народов Северного Кавказа на рубеже XVIII–XIX вв. дал В.М. Кабузан, на основе значительного массива архивных данных рассчитавший количественную динамику ведущих народов региона (табл. 1)

Таблица 1. Динамика численности отдельных кавказских этнокультурных сообществ в XIX в. (тыс. чел.) (Кабузан, 1996а: 210–215)

Национальные сообщества	Годы				
	1795	1834	1858	1867	1897
Сообщества Западного и Центрального Кавказа					
адыгейцы	500,0	571,0	573,0	44,4	41,4
балкарцы	10,2	4,0	8,9	11,0	23,2
кабардинцы	12,0	47,0	51,0	66,6	99,0
карачаевцы	3,6	24,0	24,0	17,0	26,9
осетины	26,6	37,4	43,0	52,0	96,5
Сообщества Восточного Кавказа					
чеченцы	118,0	190,0	190,0	143,6	223,2
ингуши	11,1	28,0	28,0	24,4	46,2
аварцы	140,0	161,9	46,0	128,9	172,7
даргинцы	120,0	140,0	131,0	83,1	121,3
лакцы	20,0	30,0	41,9	43,7	75,9
лезгины	56,0	69,3	88,2	89,8	94,2
кумыки	***	49,8	64,5	71,1	82,3
табасаранцы	20,0	27,3	30,0	15,4	29,0
дагестанцы в целом	Ок. 400	478,3	401,6	432	575,4

Однако приводимые данные нередко являются приблизительными, а то и ошибочными. Очевидно, что численность кабардинцев в рассматриваемом временном интервале не могла вырасти в 4, а карачаевцев – в 6,5 раз. Невероятны и более «скромные» показатели демографического роста вайнахов (2,5-кратный рост ингушей и 60-процентный – чеченцев). С другой стороны, нереально низкой представляется численность аварцев в 1858 г. Констатируя необходимость дальнейших исследований проблемы, необходимо понимать серьезную ограниченность любых возможных расчетов, способных дополнить и скорректировать результаты В.М. Кабузана. Множественные

количественные оценки внешних наблюдателей всегда отличались приблизительностью и существенно различались. Достаточно привести данные о численности отдельных черкесских племен во второй четверти XIX в. (табл. 2).

Таблица 2. Численность отдельных черкесских племен (тыс. чел.) (сост. по: Гарданов, 2004: 256)

Племена	П. Зубов, первая треть XIX в.	Г. Новицкий, 1830-е гг.	Ф. Торнау, 1830 г.	И. Бларамберг, 1834 г.	С. Хан-Гирей, 1836 г.	К. Кох, 1838 г.	К. Сталь, 1840–1850-е гг.	Кратность оценок (раз)
Шапсуги	54	300	300	200	77	210	160	5,5
Абадзехи	76	260	160	160	62	200	50	5,2
Натухайцы	62	240	-	60	49,1	50	20	12
Темиргоевцы	23	80	9	11,8	6,7	11,5	8,2	11,9
Бесленевцы	6,5	70	8	25	8,2	25	5,1	13,7
Бжедуги	11,8	60	6	9,6	13,4	20	4	15
Убыхи	-	40	-	-	-	-	-	-
Хатукаевцы	12	20	5	8	3,6	3	6,5	6,7
Мамхеговцы				5			3,4	1,5
Егерукаевцы				2,5			5,0	2,0
Махашевцы			2,5	5	2,4	8	5	3,3
Кабардинцы			5	15	42,2	43	45,3	8,1
Всего	245,3	1070	495,1	501,2	265,1	575,5	307,5	4,4

Амплитуда оценок численности отдельных черкесских сообществ, данных современниками, столь многократно, что делает практически невыполнимой задачу достоверной реконструкции на их основе динамики отдельных сообществ и всего черкесского населения Северо-Западного Кавказа первой половины XIX в. Тем не менее, данная статистика активно используется в современных публикациях, позволяя авторам получать результаты, соответствующие их предположениям, вытекающим из тех или иных теорий. Во многом схожа ситуация и в демографической статистике горских сообществ Северо-Восточного Кавказа XIX в.

Несмотря на приблизительность существующих оценок демографической динамики народов Северного Кавказа, они позволяют хотя бы в самом общем виде проанализировать влияние военных действий на численность отдельных национальных сообществ региона. Такой анализ предполагает наличие информации об основных параметрах естественного воспроизводства – уровне рождаемости населения, структуре и соотношении основных причин его смертности. Достаточно точное представление о данных показателях дает первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Она зафиксировала сохранение у всех народов региона к концу XIX в. традиционного типа демографического воспроизводства, характерного для них и в предыдущие периоды развития. Для этого типа была свойственна ранняя брачность почти всего женского населения и его предельно высокая (на верхнем пределе физиологических возможностей) репродуктивная активность и повышенная смертность, максимальная у детей до одного года.

Неограниченная планированием рождаемость в традиционных обществах могла достигать 50–60 %. В диапазоне 45–55 % она колебалась в России на всем протяжении XIX в. (Кабузан, 1996b). На том же уровне она находилась и у народов Северного Кавказа. Хотя данный вывод и не всегда подтверждался текущей статистикой, согласно которой, к примеру, среднегодовая рождаемость в Дагестане за 25-летний период (1891–1915) составила только 23,4 %, т.е. была вдвое ниже, чем в Российской империи в целом (Ибрагимов, 1981). Причина была хорошо известна уже дореволюционным исследователям, отмечавшим, что горцами-мусульманами «не ведется ничего подобного нашим метрическим книгам и всякие справки о числе родившихся, о численном составе семьи, принимаются ими за оскорбительную нескромность, нарушающую святость домашних тайн» (Сборник сведений, 1868: 3). Кроме того, из-за очень высокой смертности детей в младенческом возрасте часть рождений просто не фиксировалась. Наконец, имело место сокрытие горцами числа детей, преимущественно мальчиков, из-за слухов о том, что такого рода информация в дальнейшем может использоваться для их призыва в армию (Ибрагимов, 1981).

В этом плане более показательны зафиксированные первой всеобщей переписью населения России данные о возрастной структуре населения различных народов Северного Кавказа (табл. 5). Доля детских и юношеских поколений (0–19 лет) у горских сообществ Северо-Восточного Кавказа в

общей численности их населения (более 40 %) была аналогична или даже несколько выше данного показателя в русских регионах страны (табл. 3).

Таблица 3. Возрастная структура ряда народов и территориальных образований Российской империи, 1897 г. (%) (Первая всеобщая перепись, 1897)

Возрастная группа (число лет)	аварцы*	даргинцы**	чеченцы***	Для сравнения: Архангельская губ.
0	1,4	1,5	2,3	2,6
1–9	22,8	26,2	29,9	18,7
10–19	17,5	16,7	21,0	21,4
20–29	14,7	13,8	16,7	18,2
30–39	12,5	13,3	11,3	12,9
40–49	10,2	9,8	8,3	10,6
50–59	7,5	7,4	5,1	7,5
60–69	6,7	5,4	3,6	5,4
70–79	3,7	2,6	1,1	2,8
80 и старше	3,0	2,0	0,6	0,8
Все население	100	100	100	100

* данные по Аварскому округу Дагестанской области, в котором аварцы составляли 95,8 % населения.

** данные по Даргинскому округу Дагестанской области, в котором даргинцы составляли 91,3 % населения.

*** данные по Грозненскому округу Терской области, в котором чеченцы составляли 89,5 % населения.

Не менее высокой доля ювенальных генераций в конце XIX в. оставалась и в других субрегионах Северного Кавказа, составляя около 50 % у осетин (во Владикавказском округе Терской области) и заметно превышая 40 % у адыгов. Таким образом, все национальные сообщества региона в период Кавказской войны отличались высокой рождаемостью. Но высоким был в это время и уровень смертности. Даже на рубеже XX в. естественный прирост в национальных округах и уездах Северного Кавказа, как правило, не поднимался выше ежегодных 4–6 %, а в периоды крупных эпидемий или годы, следующие за неурожайными сезонами, мог опускаться до нуля или уходить в отрицательную зону. В результате средняя продолжительность жизни горцев оставалась на низком уровне. Показательно, что доля людей старше 50 лет в конце XIX в. составляла у народов Дагестана только 15–20 % их численности, а у чеченцев порядка 10 %. В начале XIX в. данные показатели были еще ниже. Люди, достигшие 50-летнего возраста, могли составлять всего несколько процентов. Самую существенную роль в естественной убыли населения играли младенческая и детская смертность. Еще в первой четверти XX в. «если из 7–8 новорожденных оставались в живых 2–3 ребенка, то горцы были довольны, что судьба благосклонна к ним и что Аллах милостиво обошелся с их детьми, а то мог бы забрать всех» (Ибрагимов, 1981). Форс-мажорные, по меркам современности, причины повышенной смертности (войны, эпидемии, голод), для традиционных сообществ Северного Кавказа являлись постоянными спутниками их жизнедеятельности. А на Северо-Западном Кавказе на численность населения отрицательно влияла работорговля: захваченные во время стычек и набегов представители соседних племен продавались за пределы региона, прежде всего, в Османскую Порту.

В условиях плотного полиэтнического общежития и необходимости жестко отстаивать свои интересы, жизнедеятельность горских сообществ практически всегда была связана с боевыми потерями. Как замечал в «Записках о Черкесии» С. Хан-Гирей, «брат проливал кровь брата, отец не щадил детей. Даже невинные младенцы были безжалостно побиваемы камнями, и женский пол, столь много уважаемый черкесами, в это пагубное время не был щадим. Села пылали и пустыли. Многие княжеские и дворянские фамилии были вовсе истреблены, а другие, покинув свое отечество, искали спасения под чужим небом» (Цит. по: Шеуджен и др., 2004: 78). Сочетание всех перечисленных форм демографических потерь, с одной стороны, определяло непрерывную пульсацию численности населения региональных сообществ, с другой, являлось центральным ограничителем их положительной количественной динамики, не позволяя перейти к устойчивому расширенному демографическому воспроизводству. Как результат, численность населения горских социумов Северного Кавказа на протяжении ряда предыдущих столетий могла сохраняться в определенном диапазоне, снижаясь в периоды социальных катаклизмов.

Кавказская война негативно сказалась на демографической динамике народов региона, хотя роль других факторов сверхсмертности местного населения в этих условиях могла снизиться. появление нового общего врага способствовало сплочению части горских сообществ, что вело к сокращению потерь от междоусобиц. В то же время появились другие причины внутреннего размежевания и вооруженной конфронтации – участие части горцев в Кавказской войне на стороне России, а также силовые, зачастую

откровенно репрессивные методы формирования Имамата, приводившие подчас к не меньшей убыли местного населения, чем действия российской армии. Наглядное представление об особенностях управленческой практики Шамиля дают записи его секретаря Мухаммеда Тахира аль Карахи: «...рассчитавшись с андалальцами, имам обратился к хунзахцам и нанес им тяжелое поражение. Мюриды не щадили своих врагов и убивали без всякого помилования... Аул Чох был взят, разгромлен и сожжен. Осталось только 2–3 сакли... Мюриды разошлись по домам, похоронив на месте до 300 своих праведников и взяв с собой до 1000 своих раненных» (Тахир, 1990: 78).

Таким образом, причины повышенной смертности населения региона в рассматриваемый период были множественны, а ее реальные масштабы менялись от места к месту и существенно колебались во времени. Изменчивой была и сама структура сверхсмертности. Но детализированная пофакторная оценка абсолютных демографических масштабов и расчет их долевого соотношения находятся за пределами возможностей науки, заставляя историков и демографов ориентироваться на выводы и предположения общего характера.

В самостоятельном изучении нуждаются как военные потери горских сообществ, так и жертвы среди мирного населения. Причина максимальной сложности расчета боевых потерь горцев, как уже отмечалось, в полном отсутствии статистического учета, вынуждающем обращаться к фрагментарным и зачастую противоречивым оценкам современников либо заставляющем привлекать для данного анализа соответствующую статистику по боевым потерям российской армии. Помимо сводного справочника А.Л. Гизетти имеются исследования, содержащие детальную информацию по отдельным полкам, наиболее активно участвовавшим в военных операциях (Гизетти, 1901, Потто, 1892, Ракович, 1900 и др.).

Именно такой способ косвенного анализа использовал С. Максудов, которому пришлось сделать ряд серьезных допущений. Среди них предположения, что боевые потери русской армии в регионе были в равной степени распределены между западным и восточным эпицентрами Кавказской войны. При этом потери на Восточном Кавказе поровну делились между Чечней и Дагестаном, а убыль чеченцев в боях превосходила показатель российской армии в 1,5 раза. Очевидно, что совпадение двух неточностей в процессе расчета может привести к тому, что итоговая ошибка может стать 1,5–2-кратной. Поэтому, когда С. Максудов приходит к итоговому выводу о том, что «при 10 тысячах убитых и 25 тыс. раненных военный потенциал Чечни к концу войны был почти исчерпан» (Максудов, 2010: 72), данное обобщение должно скорее оцениваться как предположение, опирающееся на весьма шаткое основание. Но даже такая попытка, не позволяющая получить сколько-нибудь надежные выводы о степени демографического отягощения Кавказской войной втянутых в нее вайнахских сообществ, является эвристически полезной.

Однако нуждается в дополнительной коррекции использованный Максудовым коэффициент соотношения потерь русской армии и горцев. С учетом фрагментарности существующей информации его корректней представлять в виде количественного диапазона, а не точного числа. Необходим отсутствующий у данного исследователя анализ потерь русской армии в пространственно-временном разрезе. Указанные дополнения рабочей методики С. Максудова, как представляются, способны дать более точную информацию о боевых потерях горских сообществ на западе и востоке региона по отдельным периодам Кавказской войны. А сопряженный анализ этой информации с данными по возрастной структуре населения отдельных национальных сообществ, вовлеченных в войну, дает возможность хотя бы в первом приближении определить, насколько подрастающие поколения успевали восполнить текущие боевые потери горцев.

Данные А.Л. Гизетти (табл. 4–5) позволяют обратиться к расчету возможных боевых потерь горских сообществ в различные периоды на каждом из двух основных субрегиональных театров войны с горцами в пределах Северного Кавказа, а также в Закавказье. При этом потери, которые в сборнике были отнесены к Черномории и Кавказской линии, мы посчитали возможным разделить поровну между западным и восточным эпицентрами войны с горцами, поскольку речь, по сути, шла о всей системе укреплений, возведенных Россией в пределах региона от Черного моря до Каспия. Очевидно, что такое предположение является достаточно условным. Но на долю таким образом пространственно локализуемой группы потерь русской армии приходилось, как правило, менее 10–15 % от их общего масштаба по отдельным годам. Таким образом, возможная неточность не могла существенно сказаться на итоговой оценке соотношения двух эпицентров Кавказской войны. Следует также указать, что в сборнике обнаружилось отдельные арифметические погрешности (например, за 1833 г. в качестве итоговой цифры убитых нижних чинов указаны 122 чел., в реальности – 117 чел. (Гизетти 1901: 31)). В результате полученные нами итоговые цифры потерь русской армии незначительно отличаются от тех, что приведены А.Л. Гизетти. Наконец, заметим, что потери русской армии в Абхазии мы относим к Западному и Центральному Кавказу.

Таблица 4. Потери русской армии в противостоянии с горцами Кавказа, 1801–1864 гг. (чел.) (рассчитано по: [Гизетти, 1901](#))

Годы	Убитые				Раненные			
	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего
1801–1805	268	309	-	577	665	385	-	1050
1806–1810	190	246	120	556	364	372	344	1080
1811–1815	28	49	584	661	116	144	595	855
1816–1820	431	45	65	541	1051	-	152	1203
1821–1825	323	350	36	709	842	784	27	1653
1826–1830	435	436	-	871	684	936	-	1620
1831–1835	1187	332	53	1572	3440	1327	18	4785
1836–1840	2041	1876	124	4041	6434	2654	68	9156
1841–1845	5398	1398	48	6844	10887	2632	144	13667
1846–1850	2625	601	54	3280	9048	1902	92	11042
1851–1855	1710	760	-	2470	6064	2782	75	8921
1856–1860	1204	489	6	1699	4145	2604	38	6787
1861–1864	-	1098	-	1098	-	3460	-	3460
Всего	15834	7988	1090	24919	43740	19982	1553	65279

Таблица 5. Удельные потери русской армии в противостоянии с горцами Кавказа по отдельным субрегионам, 1801–1864 гг. (%) (рассчитано по материалам: [Гизетти, 1901](#))

Годы	Убитые				Раненные			
	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего	Сев.-Вост. Кавказ	Зап. и цент. Кавказ	Закавказье	Всего
1801–1805	46,4	53,6	-	100	63,3	36,7	-	100
1806–1810	34,2	44,2	21,6	100	33,7	34,4	32	100
1811–1815	4,2	7,4	88,4	100	13,6	16,8	70	100
1816–1820	79,7	8,3	12,0	100	87,4	-	13	100
1821–1825	45,5	49,4	5,1	100	50,9	47,4	1,6	100
1826–1830	49,9	50,1	-	100	42,2	57,8	-	100
1831–1835	75,5	21,1	3,4	100	71,9	27,7	0,4	100
1836–1840	50,5	46,4	3,1	100	70,3	29	0,7	100
1841–1845	78,9	20,4	0,7	100	79,7	19,3	1,1	100
1846–1850	80,1	18,3	1,6	100	81,9	17,2	0,8	100
1851–1855	69,2	30,8	-	100	68	31,2	0,8	100
1856–1860	70,9	28,8	0,3	100	61,1	38,4	0,6	100
1861–1864	-	100	-	100	-	100	-	100
Всего	63,5	32,1	4,4	100	67	30,6	2,4	100

Эти данные свидетельствуют, что на Северо-Восточный Кавказ пришлось почти 2/3 всех убитых и раненных русских военнослужащих. Предположение С. Максудова о том, что потери русской армии на двух основных субрегиональных театрах Кавказской примерно равны, является неточным. Вызывает сомнение и другое принятое им допущение – соотношение боевых потерь русских войск и чеченцев, как 1 к 1,5. Для первой половины 1840-х гг., как периода наиболее удачных действий горцев и максимальных потерь русской армии, это соотношение могло быть таким. Но провальные военные экспедиции этого времени, ожесточенность сопротивления и высокое воинское искусство чеченцев и аварцев могли еще более сократить соотношение потерь противоборствующих сторон, позволяя его оценить как 1 к 1,2–1,5. Для других периодов войны разница в потерях сторон была большей. Для первой половины 1830-х гг. и 1850-х гг. данное соотношение могло составить 1 к 2–2,5, а к пятилеткам, примыкающим к наиболее успешному для Шамиля периоду военных действий, как 1 к 1,5–2,0. Это соотношение можно распространить не только на убитых, но и на раненных горцев. Расчеты, проведенные исходя из сделанных оценочных предположений, дали следующие результаты ([табл. 6.](#)).

Таблица 6. Предположительные боевые потери горцев на Северо-Восточном Кавказе, 1831–1859 гг. (чел.)

Периоды	Коэффициент соотношения потерь (армия: горцы)	Убитые	Раненные	Умершие от ран (15–20%)	Безвозвратные потери	Инвалиды	Ежегодные потери армии
1831–1835	1 : 2–2,5	2400–3000	6900–8600	1050–1700	2450–4700	1050–1450	700–1230
1836–1840	1 : 1,5–2	3100–4100	9700–12900	1450–2600	4550–6700	1450–2200	1200–1780
1841–1845	1 : 1,2–1,5	6500–8100	13100–16300	1950–3250	8450–11350	1950–2800	2080–2830
1846–1850	1 : 1,5–2	3900–5200	13500–18000	2000–3600	5900–8800	2000–3050	1580–2370
1851–1855	1 : 2–2,5	3400–4300	12100–15100	1800–3000	5200–7300	1800–2550	1400–1970
1856–1859		2400–3000	8500–10300	1300–2050	3700–5050	1300–1750	1000–1360
Всего (тыс. чел.)		21,7–27,7	63,8–81,2	9,55–16,2	30,25–43,9	9,55–13,8	

За 30-летний период наиболее активного военного противоборства на Северо-Восточном Кавказе в боях с русской армией могли погибнуть порядка 22–28 тыс. горцев. Общие безвозвратные потери были значительно больше в связи с высокой смертностью среди раненных. Уровень летальности раненных в русской армии этого времени, согласно Б.Ц. Урланису, находился на уровне 11–12 % (Урланис, 1960: 131). Но у горцев данный показатель мог составлять до 15–20 % раненных, что могло привести к смерти еще примерно 9,5–16 тыс. чел. В этом случае боевые безвозвратные потери горцев Северо-Восточного Кавказа в 1831–1859 гг. могли достигать 30–44 тыс. чел.

Как соотносились данные потери с общей демографической динамикой местных горских сообществ и численностью их воинского контингента? Самая значительная часть боевых потерь пришлась на народы горного Дагестана и Чечни, входившие в 1840–1850-е гг. в состав Имамата Шамиля, а в предыдущее десятилетие (в 1830-е гг.) выступавших основными участниками российско-горского военного противоборства на Северо-Восточном Кавказе. Оценки демографического потенциала Имамата варьируют в диапазоне 400–700 тыс. чел. (100–150 тыс. семей) (Народы Дагестана, 2002: 32). Подобный «разбег» связан не только с уже упомянутой приблизительностью и фрагментарностью имеющейся демографической информации, но и с непрерывной пульсацией контуров данного квазигосударственного образования, напрямую связанной с военными успехами Шамиля и его набив, а также с другими факторами.

Несмотря на высокую полиэтничность Имамата, его «государствообразующими» сообществами являлись чеченцы и аварцы, общая численность которых во второй четверти XIX в. колебалась в пределах 250–300 тыс. чел. С учетом андо-цезских народов и некоторых других, также длительное время пребывавших в составе имамата, их общую численность можно увеличить до 300–350 тыс. чел. Но необходимо вычесть порядка 50 тыс. равнинных чеченцев, расселенных на территориях под русским контролем. Тем самым, демографическое «ядро» Имамата можно определить примерно в 300 тыс. чел., что в принципе согласуется с численностью его войска. Если исходить из рассчитанного масштаба боевых потерь (порядка 8,5–11,4 тыс. чел. в первой половине 1840-х гг. и 6–9 тыс. чел. – во второй), ежегодно из армии Шамиля в этом десятилетии безвозвратно выбывало порядка 2 тыс. чел. или около 10–20 % ее действующего состава. Однако для расчета динамики потенциального воинского контингента горцев необходимо учитывать не только прямые и санитарные потери, но и принимать в расчет полученную в боях инвалидность – тех, кто после ранения становился непригоден к участию в военных операциях. К сожалению, количественной оценке данного показателя военные статистики и демографы в своих исследованиях практически не уделяют внимания. Мы предположили, что доля инвалидов может быть сопоставима (или несколько меньше), чем уровень летальности раненных, составляя 15–17 % их численности. В этом случае ежегодную убыль боевого состава воинских частей Имамата следует увеличить еще на 400–600 чел. в 1840-е гг. и 350–500 чел. – в первой половине следующего десятилетия.

На стороне русской армии в войне принимала участие горская милиция. Ее удельный вес в отдельных операциях мог доходить до 20–30 % численности регулярных воинских частей. Основная боевая нагрузка, безусловно, ложилась на армейские части, но до 5–10 % потерь отрядам Шамиля могли наносить сражавшиеся на стороне России горцы. Тем самым, общая убыль армии Имамата в годы наиболее напряженного противостояния могла достигать 2,5–3 тыс. чел. и для восстановления ее численности Шамилю требовалось призвать такое же количество новобранцев.

На возрастную генерацию 10–19-летних, как отмечалось, в горских сообществах приходилось 17–20 % населения. Если исходить из гендерного паритета, то ежегодное пополнение группы военнообязанных мужчин находилось в пределах 0,9–1 % от общего демографического потенциала горцев или порядка 4–4,5 тыс. чел. (а в годы максимального расширения Имамата – до 6–7 тыс. чел.). Данное пополнение было в состоянии компенсировать понесенные потери. Действительно, в военнообязанном возрасте (15–50 лет) находилось порядка половины всех мужчин Имамата – около 100–110 тыс. чел. Сокращаясь в результате военных потерь за год на 2–3 тыс. чел., количество военнообязанных за счет вступления во взрослую жизнь новых поколений вырастало на 4–6 тыс. чел. В результате общая численность потенциального воинского контингента Имамата могла даже немного прирастать. Однако данный расчет является слишком общим, и не учитывает множества моментов – прежде всего пространственную и временную неравномерность боевых действий, а также существенно различавшийся уровень участия в войне отдельных горских сообществ. Очевидно, что чеченцы, аварцы и некоторые другие сообщества нагорного Дагестана, максимально и долговременно включенные в вооруженное противоборство, могли испытывать более серьезное демографическое истощение.

Показательны в этом плане данные по ряду небольших андо-цезских народов, указывавшие, что норма воинской нагрузки для них временами являлась предельно высокой и «под ружьем» оказывался не каждый десятый мужчина, как полагалось, но практически полностью мужское население военнообязанного возраста (от 15–16 до 50 лет) (табл. 7). Конечно, данное положение могло быть только кратковременным. Но воинские повинности сообществ, относившихся к «ядру» Имамата, могли быть весьма обременительными, а боевые потери высоки.

Таблица 7. Показатели мобилизации народов горного Дагестана (составлено по: [Народы Дагестана, 2002: 170–171, 182–193](#)).

Народности	Число домохозяйств*	Население (чел)*	Обязательство выставлять в войско Шамиля	соотношение (домохозяйства / воины)	соотношение (мужчины / воины)
багулалы	577	1989	300 (150 конных + 150 пеших)	1,9 / 1	3,3 / 1
ботлихцы	около 300	около 900	330 (30 конных + 300 пеших)	0,9 / 1	1,35 / 1
годоберницы	215	772	220 (30 конных + 190 пеших)	1 / 1	1,7 / 1

* данные на 1866 г. ([Ибрагимов, 1981: 101](#))

В данном случае надо не забывать о высокой «регенерационной» способности традиционных обществ. Существовавший уровень рождаемости (50–55 %), позволял России в первой половине – середине XIX в. иметь устойчивый ежегодный естественный прирост в пределах 10–16 %. Данный показатель у горских сообществ должен был варьироваться по годам куда в большем диапазоне. И если в периоды активизации военного противостояния он приближался к нулю или уходил в отрицательную зону, то в годы «замирений» мог вырастать до ежегодных 20–30 %. Тем самым, 5–7 лет мирной жизни для отдельного горского сообщества могло вполне хватить для увеличения его численности на 12–20 %, что в большинстве случаев позволяло полностью или в значительной степени восстановить растроченный демографический потенциал. Данный вывод вполне вписывается, как в оценки боевых потерь горцев, так и в расчет общей демографической убыли, связанной с войной, поскольку обусловленная ею сверхсмертность мирного населения носила более или менее ограниченные масштабы. Согласно С. Максудову, в ходе карательных операций русской армии, а также от голода, болезней, в результате переселений с места на место в период Кавказской войны могли погибнуть порядка 12 тыс. мирных чеченцев ([Максудов, 2010: 72](#)), т.е. в пределах 8 % от их общей численности. Эти потери, разнесенные на 30 лет активного противостояния, дают примерно 2,5–3 % в год, что можно условно считать сверхсмертностью, обусловленной непосредственно Кавказской войной. Ее удельный вес в общей смертности горского населения Северо-Восточного Кавказа, учитывая общие показатели последней, не превышал 1/10–1/15 части населения и должен был восполняться высокой рождаемостью.

Необходимо учитывать влияние на демографическую динамику горских сообществ уже упоминавшейся массовой ранней брачности. Погибшие в боях (и еще шире – все умершие в молодом возрасте, т.е. до 30 лет) в своем большинстве успевали оставить более или менее многочисленное потомство. Семейные традиции помогали даже семьям, оставшимся без кормильца, «поднимать» детей. И потому даже ощутимые демографические потери могли скоро восполняться очередным поколением горской молодежи, а значительная боевая убыль мужчин не приводила к существенным гендерным перекосам.

Последний вывод нуждается в дополнительной проверке, одним из способов которой является анализ гендерно-возрастной структуры народов региона в конце XIX в. Показательно в этом плане,

например, гендерное соотношение старших возрастных групп населения Грозненского округа Терской области (более 90 % жителей которого составляли чеченцы). Наиболее активные боевые действия горцы под руководством Шамиля вели с конца 1830-х по середину 1850-х гг. На военную службу в Имамате призывали с 15–16 лет. Тем самым, уроженцы первой половины 1820-х гг. (во время первой всероссийской переписи 1897 г. им было 72–76 лет) могли быть участниками военных действий с самого начала активизации боевых действий на Северо-Восточном Кавказе. Но и более молодые генерации горцев (уроженцы 1826–1835 гг., достигшие к моменту переписи 62–71 года) застали период активной войны во взрослом возрасте и вполне могли стать ее участниками со всеми последствиями для гендерного соотношения своей возрастной генерации. Однако данные по однолетним группам населения Грозненского округа старше 60 лет обнаруживают удельное равновесие или даже некоторый количественный перевес мужчин (табл. 8). Только в возрастной категории старше 75 лет фиксируется линейно нарастающее численное превосходство женщин. Этот дисбаланс скорее всего определяется другой хорошо известной демографической закономерностью – несколько большей продолжительностью жизни женщин.

Таблица 8. Гендерное соотношение в старших возрастных группах населения Грозненского округа Терской области, 1897 г. (чел.)

Возраст, лет	всего	мужчины	женщины
61	321	173	148
62	341	188	153
63	362	205	157
64	150	77	73
65*	966	467	499
Всего 61–65	2140	1110	1030
66	179	104	75
67	228	120	108
68	198	102	96
69	136	63	73
70*	1599	758	841
Всего 66–70	2340	1147	1193
71	79	39	40
72	122	68	54
73	59	31	28
74	50	26	24
75*	334	154	180
Всего 71–75	644	318	326
76	55	24	31
77	43	23	20
78	62	24	38
79	37	13	24
80*	741	301	440
Всего 76–80	938	385	553
Всего 61–80	6062	2960	3102

* Многократное превышение людей «круглого» возраста (60, 65, 70 лет и т.д.) над сопредельными однолетками указывает, что значительное число горцев в конце XIX в. попросту не знало точной даты своего рождения и «подгоняло» собственный возраст до ближайшей круглой цифры.

Конечно, за десятилетия прошедшие между Кавказской войной и первой всеобщей переписью населения, значительное число факторов могло работать на постепенное сокращение возможного гендерного дисбаланса. Но если в середине XIX в. таковой был действительно значительным, полностью устранить его к концу века едва ли удалось (опыт Великой Отечественной и других «больших» войн, сопровождаемых значительными воинскими потерями, свидетельствует, что ощутимая гендерная разбалансировка военных поколений сохраняется на всем протяжении их дальнейшей жизни). Поэтому есть основания полагать, что мужская сверхсмертность в результате боевых потерь у чеченцев в 1840–1850-е гг. не была сверхзначительной. Аналогичные результаты дает и гендерный анализ старших возрастов аварского населения Дагестанской области.

Можно предположить, что ко второй половине 1850-х гг. (к финальной стадии Кавказской войны) чеченские и аварские сообщества не утратили значительной части своего воинского контингента, тем более общего демографического потенциала, динамика которого длительное время

сохранялась в пределах определенного количественного плато. Это указывало на высокий уровень демографической адаптации горцев к условиям Кавказской войны и связанной с ней сверхсмертностью.

В этом отношении значительно большее воздействие на их количественную динамику могли оказывать единовременные потери части населения. Таковой, в частности, стала эмиграция в Османскую Порту в середине 1860-х гг. порядка 23–24 тыс. чеченцев. Весьма ограниченная в сравнении с масштабами мухаджирства черкесских сообществ Северо-Западного Кавказа, она, тем не менее, привела к потере 15–20 % численности чеченского населения региона и оказалась куда более ощутимым ударом по демографии вайнахов, нежели закончившаяся для них к этому времени Кавказская война.

На Северо-Западном Кавказе вооруженное противоборство русской армии и черкесских сообществ достигало максимальной активности в конце 1830-х – начале 1840-х гг. и в начале 1860-х гг., когда сюда была переброшена значительная часть воинских частей после ликвидации Имамата. Анализ погодовой динамики потерь русской армии обнаруживает периоды подъемов в 1840–1841 гг. и в 1862–1863 гг., многократно превосходившие показатели сопредельных лет. При этом в целом соотношение потерь с горцами для русской армии на Северо-Западном Кавказе могло быть несколько более выгодным. На это в частности указывают и сравнительные данные, присутствующие в литературе (табл. 9).

Таблица 9. Сравнительные потери черкесов и русской армии на Северо-Западном Кавказе (чел.) (рассчитано по: [Шеуджен и др., 2004: 218](#))

	убито			ранено		
	черкесы	русские	соотношение (кратность)	черкесы	русские	соотношение (кратность)
1802	250	4	62,5	300	15	20
1804	650	62	10,5	650	41	15,9
1809	300	12	25	520	56	9,3
1810	500	219	2,3	?	287	-
1813	900	23	39,1	900	144	6,2
1821	1200	5	240	?	14	-
1823	200	22	9,1	?	65	-

Данные о потерях горцев, приведенных в таблице, нуждаются в дополнительном изучении – разница в потерях сторон по отдельным годам выглядит неправдоподобно значительной (особенно с учетом боевых качеств горцев). Следует учесть, что эти данные относятся к первым этапам вооруженного противостояния, когда малознакомые с тактикой регулярной армии крупные скопления горской конницы во время лобовых атак, попав под артиллерийский и ружейный огонь, несли особенно значительные потери. К 1830-м гг. у черкесов уже был накоплен значительный опыт вооруженной борьбы с армейскими частями, чтобы не совершать подобных ошибок. И есть основания полагать, что в первой половине данного десятилетия соотношение потерь русской армии и у горцев в обоих субрегионах Северного Кавказа находилось примерно на одном уровне (т.е. может быть определено как 1 к 2–2,5).

Активизация военных действий на Северо-Западном Кавказе в конце 1830-х гг. была в значительной степени связана с переходом черкесов к наступательным действиям, апогеем которых стало уничтожение в феврале – начале апреля 1840 г. ряда укреплений Черноморской береговой линии и Прикубанья. При взятии форта Лазарева, Вельяминовского, Михайловского и Николаевского укреплений в общей сложности погибло 1140 солдат и офицеров, т.е. около 60 % от общего числа военнослужащих, убитых на Северо-Западном Кавказа в 1836–1840 гг. При этом форт Лазарева был взят черкесами внезапным нападением и с ограниченными потерями со стороны горцев. С малыми жертвами было захвачено и Вельяминовское укрепление ([Федоров, 1879](#)). Во время штурма Михайловского укрепления совершил свой известный подвиг рядовой А. Осипов. Взрыв порохового склада мог заметно увеличить потери черкесов, но в целом они едва ли значительно превзошли численность практически полностью истребленного гарнизона (около 430 солдат и офицеров). Как и в случае с Никольском укреплением, взятым после ночного штурма. Тем самым, общие боевые потери черкесов и русской армии в этот двухмесячный период были вполне сопоставимы. А общее их соотношение за 1836–1840 гг. должно было существенно сближаться в сравнении с показателем предыдущего пятилетия.

В 1841 г. русская армия потеряла в схватках с горцами Северо-Западного Кавказа более 500 чел. убитыми и около 1100 чел. ранеными. Но и в этих боях потери горцев едва ли превосходили русские более чем в 2–3 раза. В последующие годы интенсивность вооруженного противостояния и потерь шла на убыль, чтобы вновь заметно возрасти спустя два десятилетия. В отличие от войны с Имаматом, в которой 1840-е гг. были отмечены рядом крупных войсковых операций русской армии, на Северо-Западном Кавказе противоборство представляло множество небольших столкновений, результаты которых могли различаться самым существенным образом. Но в целом для данного

затяжного периода мы посчитали возможным установить количественное соотношение потерь армии и горцев, полученное для 1841 г., т.е. 1 к 2–3 (при этом сузив данный диапазон до 2,4–2,7). Результаты расчетов приведены в таблице 10.

Таблица 10. Предположительные боевые потери горцев Северо-Западного Кавказа, 1831–1860 гг. (чел.)

Периоды	Коэффициент соотношения потерь (армия: горцы)	Убитые	Раненные	Умершие от ран (15–20%)	Безвозвратные потери	Инвалиды	Ежегодные потери воинского контингента
1831–1835	1 : 2,0–2,5	650–850	2700–3300	400–600	1050–1450	400–550	290–380
1836–1840	1 : 1,2–1,5	2250–2800	3200–4000	500–800	2750–3600	500–700	650–860
1841–1845	1 : 2,4–2,7	3400–3800	6300–7100	950–1400	4350–5200	950–1050	1060–1250
1846–1850		1400–1600	4600–5100	700–1000	2100–2600	700–850	560–690
1851–1855		1800–2050	6700–7500	1000–1500	2800–3550	1000–1100	760–930
1856–1860		1200–1300	6200–7000	900–1400	2100–2700	900–1050	600–750
1861–1864		2900–3200	8300–9400	1250–1900	4150–5100	1250–1400	1080–1300
		Всего (тыс. чел.)	13,6–14,6	38,0–43,4	5,7–8,6	19,3–24,2	5,7–6,7

В общей сложности за 34-летний период горцы Северо-Западного Кавказа могли потерять убитыми и умершими от ран порядка 19–24 тыс. чел. Их распределение по периодам, а тем более по отдельным годам было крайне неравномерным (рис. 1).

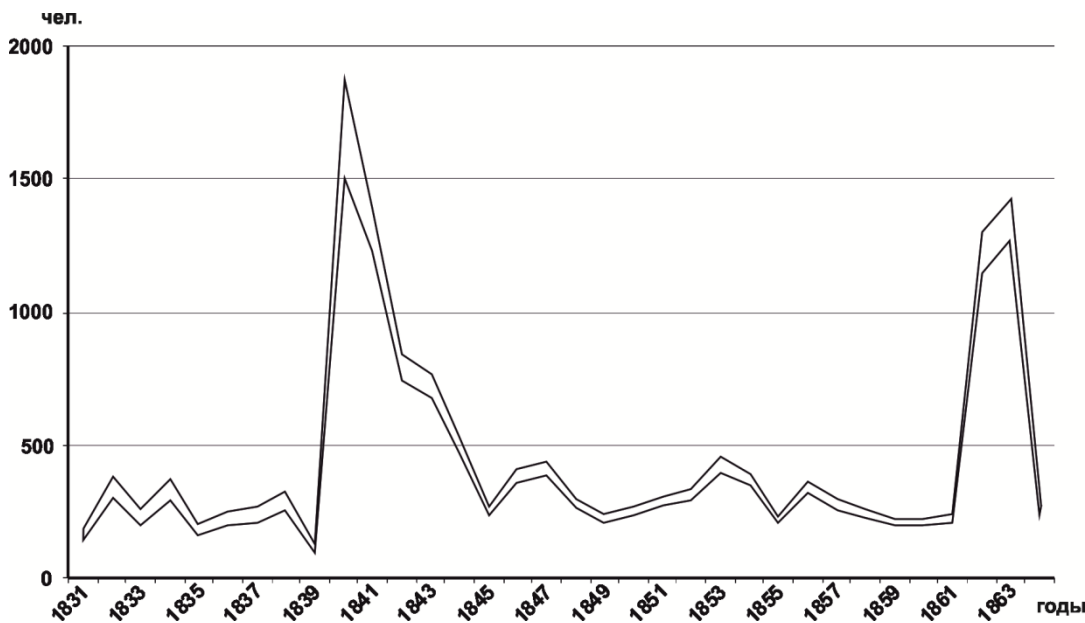

Рис. 1. Предположительный диапазон безвозвратных потерь черкесов в Кавказской войне, 1831–1864 гг. (убитые, чел.)

За исключением рубежа 1840-х гг. и начала 1860-х гг. ежегодно в боях с русской армией погибали не более 350–450 горцев. С учетом умерших от ран и инвалидов воинский контингент черкесских сообществ в среднем за год сокращался в результате боевых действий на 500–850 чел. Потери свыше 1 тыс. чел. приходились только на 1840–1841 гг. и 1862–1863 гг. Если исходить из расчетов В.М. Кабузана, ежегодно военнообязанного возраста в черкесских сообществах достигали от 6 до 8 тыс. чел., что на порядок превосходило понесенные потери, позволяя легко их компенсировать и даже увеличивать воинский контингент. Однако боевые потери черкесов не только пульсировали во времени, но и неравномерно распределялись между отдельными сообществами. К примеру, военное

обострение 1840–1841 гг. было связано с действиями убыхов, на которых и пришлись основные потери черкесов этого времени. Гибель в такой короткий период времени 2–2,5 тыс. чел. могла быть достаточно ощутимой для данного сообщества. При этом остальные черкесские сообщества в данное время практически не понесли боевых потерь. Необходимо принимать во внимание, что потери выступали следствием не только Кавказской войны, но и непрерывных междоусобиц и набеговой практики. Показательно, что активизация военных действий против русской армии не помешала убыхам в том же 1840 г. совершить масштабный (2500 всадников) набег на Абхазию и повторить его в следующем году (Инал-Ипа, 2015: 280).

Если о количественных потерях черкесов в противостоянии с русской армией еще можно строить определенные предположения, то для аналогичной обобщенной оценки воинской убыли горцев в междоусобных стычках необходимых источников нет. Учитывая степень распространения набеговой практики, есть все основания предполагать, что такие потери были значительными, а иногда и сопоставимыми с теми, которые черкесы несли в Кавказской войне. В этом случае суммирование всех воинских потерь могло приводить к более ощутимым негативным последствиям, как для воинского контингента, так и всего демографического потенциала отдельных горских сообществ. Данный вывод, впрочем, не исключает другого утверждения. Как и в случае с горцами Северо-Восточного Кавказа, можно констатировать, что способность черкесов к почти полувекovому вооруженному противостоянию демонстрировала их высокую демографическую адаптацию к такой войне, выраженную, в том числе, в устойчивом воспроизводстве своего воинского ресурса и численности в целом. При всей фрагментарности и противоречивости имеющейся демографической статистики можно с большой уверенностью утверждать, что сколько-нибудь существенного сокращения общей численности черкесских сообществ в первой половине XIX в. не произошло. И к завершающей стадии Кавказской войны они вышли примерно с тем же демографическим потенциалом, с которым в нее вступили. Об этом в частности, свидетельствуют и масштабы последовавшей миграции.

Существующие расчетные оценки масштабов мухаджирства различаются почти на порядок (от 400 тыс. до 3,1 млн чел.). Но показателен сам факт соотношения двух расчетных цифровых диапазонов, присутствующих в литературе – численности черкесов до войны и масштабов эмиграции. Данная соразмерность – косвенное свидетельство того, что основные демографические потери черкесов были связаны именно с их оттоком за пределы региона, а не с перипетиями полувекovого Кавказской войны. К ее исходу не был подорван и воинский потенциал черкесов, которые по-прежнему могли выставить сообща десятки тысяч воинов. Зато кардинально изменились сами условия ведения войны и, прежде всего, существенно увеличилась численность русских войск на Северо-Западном Кавказе. Ликвидация Имамата позволила на рубеже 1860-х гг. перебросить сюда значительную массу обученных для горных воинских операций армейских частей. Закончилась спорадическая война малой интенсивности, к которой черкесы привыкли за несколько десятилетий. Теперь противоборство с русскими войсками требовало максимальной воинской отдачи, объединения усилий всех черкесских племен.

Не случилось ни того, ни другого, о чем свидетельствуют и масштабы русских потерь. Они, конечно, выросли в несколько раз, по сравнению с предыдущим периодом. Но и на своем двухлетнем пике (1862–1863) составляли порядка 500 чел. в год – весьма ограниченную величину с учетом совокупного боевого потенциала, находившегося в распоряжении горцев. При включении его в режим полномасштабного вооруженного противоборства с русской армией ее потери были бы многократно выше. Черкесы предпочли прекратить сопротивление, что в сложившейся ситуации, безусловно, было разумным и оправданным решением, позволяя избежать многочисленных и уже бессмысленных жертв – силы сторон стали слишком неравны, чтобы надеяться на какой-либо исход кроме полного военного поражения. Стратегическая ошибка черкесским миром была допущена на следующей исторической развилке – при выборе новых условий своей жизнедеятельности: переселения в местности, отведенные для этого российской властью или эмиграции в Османскую Порту.

В отдельном рассмотрении нуждается и вопрос о потерях мирного населения, обусловленных Кавказской войной. Очевидно, что боевые действия мешали хозяйственной деятельности и объективно ухудшали ее результативность. Вырастала вероятность неурожаев, голодных лет и связанных с ними эпидемий. Но, учитывая постоянное присутствие данных явлений в жизни традиционных социумов, едва ли возможно даже с приблизительной точностью оценить воздействие на них именно Кавказской войны. Тем более что противоборство с русской армией было только частью военных действий, в которых почти на постоянной основе были вовлечены горские сообщества. Если для расчета потерь мирного населения черкесских сообществ использовать оценку С. Максудовым демографических потерь чеченцев (8% от их общей численности), то, ориентируясь на численность черкесов в 600–800 тыс. чел., мы получим диапазон в 50–65 тыс. чел. Это была значительная величина, но, растянутая на десятилетия, она не могла оказать сколько-нибудь решительного воздействия на демографическую динамику всего черкесского мира.

4. Заключение

Кавказская война негативно сказалась на динамике численности народов Северного Кавказа. Однако сверхсмертность населения региона в XIX в. была вызвана не только боевыми действиями горцев с русской армией, но и другими факторами – эпидемиями, неурожаем, продолжавшейся междоусобицей, добровольными и вынужденными миграциями. Практически все горские сообщества демонстрировали высокий уровень адаптации к условиям военного времени, будучи подготовленными к жесткому взаимодействию с агрессивной внешней средой и продолжительному существованию в условиях военного времени. Существование «на войне» и/или «при войне» для них было привычным. К тому же периоды интенсивного вооруженного противоборства с империей, как правило, были непродолжительными и перемежались длительными периодами фактического перемирия, позволявшими горцам восстановить свою численность. Даже на Северо-Восточном Кавказе, за исключением части территориальных сообществ горной Чечни и нагорного Дагестана, составлявших основную демографическую базу Имамата, включенность коренного населения региона в военные действия была sporadic и незначительной по своим масштабам. На Северо-Западном Кавказе данная особенность Кавказской войны была выражена еще более отчетливо. Практически ни в одном из субрегионов Кавказа боевые действия не привели к резкому сокращению демографического потенциала горских сообществ. Количественная динамика большинства территориальных и племенных объединений скорее продолжала пребывать в состоянии неустойчивого гомеостаза, отличавшего ее на протяжении многих столетий, представляя непрерывную, порой весьма значительную по своей амплитуде пульсацию в определенном количественном диапазоне. Первое послевоенное десятилетие, связанное с массовым оттоком горцев в Османскую Порту сыграло значительную большую роль в трансформации этнодемографической карты Северного Кавказа (прежде всего в его западном субрегионе), чем только что закончившаяся полувекковая война. Однако детальный анализ масштабных демографических и пространственно-расселенческих последствий северокавказского мухаджирства представляет самостоятельную тему, требующую отдельного исследования.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

- Бижев, 1994** – Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, «Меоты», 1994. 325 с.
- Волкова, 1974** – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
- Гарданов, 2004** – Гарданов В.К. Историк и этнограф. Нальчик: издательский центр «Эль-Фа», 2004. 408 с.
- Гизетти, 1901** – Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказо-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901. 230 с.
- Ибрагимов, 1981** – Ибрагимов М.А. Численность и этнический состав сельского населения Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: Госкомиздат ДАССР, 1981. URL: <https://refdb.ru/look/2636765-r10.html> (дата обращения: 01.07.2017).
- Инал-Ипа, 2015** – Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи. Сухум: [Б.и.], 2015. 560 с.
- Кабузан, 1996а** – Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Блиц, 1996. 224 с.
- Кабузан, 1996б** – Кабузан В.М. Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996. 354 с.
- Кипкеева, 2008** – Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Издательство Ставропольского госуниверситета, 2008. 432 с.
- Кудаева, 2014** – Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2014. 388 с.
- Максудов, 2010** – Максудов С. Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2010. 473 с.
- Народы Дагестана, 2002** – Народы Дагестана. М.: «Наука», 2002. 588 с.
- Османов, 1974** – Османов М.-З.О. Расселение и численность даргинцев в XVIII–XIX вв. // *Дагестанский этнографический сборник*. Вып. I. Махачкала: [Б.и.], 1974, С. 146–196.
- Первая всеобщая, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 62. Дагестанская область. М.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1905. 212 с.
- Потто, 1892** – Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. В 11 т. СПб.: Типолитография Р. Голике, 1892. 184 с.

- Ракович, 1900** – Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. 494 с.
- Сборник сведений, 1868** – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1868. 431 с.
- Тахир, 1990** – Тахир М. Три имама. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990, 100 с.
- Урланис, 1960** – Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Историко-статистическое исследование. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 565 с.
- Федоров, 1879** – Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // *Кавказский сборник*. Т. 3. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1879. URL: <http://www.adjudant.ru/kavkaz/kso3-10.htm> (дата обращения: 2.07.2017).
- Шеуджен и др., 2004** – Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. Земля адыгов. 2-е изд. перераб. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. 1004 с.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. № 1 (43). pp. 68–85.

References

- Bizhev, 1994** – Bizhev A.K. (1994). Adygi Severo-Zapadnogo Kavkaza i krizis vostochnogo voprosa v kontse 20-kh – nachale 30-kh gg. XIX veka [Adygs of the North-Western Caucasus and the crisis of the eastern question in the late 1920s and early 1930s. XIX century]. Maykop: “Meoty”. 325 p. [in Russian].
- Volkova, 1974** – Volkova N.G. (1974). Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX century]. Moscow: Nauka. 276 p. [in Russian].
- Gardanov, 2004** – Gardanov V.K. (2004). Istorik i etnograf [The Historian and Ethnographer]. Nalchik: Publishing center “El'-Fa”. 408 p. [in Russian].
- Gizetti, 1901** – Gizetti A.L. (1901). Sbornik svedeniy o poteryakh kavkazskikh voysk vo vremena voyn kavkazo-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiyskom krae 1801–1885 gg. [Collection of information about the losses of Caucasian troops during the wars of Caucasus-Mountain, Persian, Turkish and in the Trans-Caspian region 1801–1885]. Tiflis: Typography of Y.I. Lieberman. 230 p. [in Russian].
- Ibragimov, 1981** – Ibragimov M.A. (1981). Chislennost' i etnicheskij sostav sel'skogo naseleniya Dagestana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The number and ethnic composition of the rural population of Dagestan in the second half of the XIX – early XX century]. Makhachkala: State Publishing House of DASSR. URL: <https://refdb.ru/look/2636765-p10.html> (accessed on: July 1, 2017) [in Russian].
- Inal-Ipa, 2015** – Inal-Ipa Sh.D. (2015). Ubykhi [Ubykh]. Sukhumi: [B.i.]. 560 p. [in Russian].
- Kabuzan, 1996a** – Kabuzan V.M. (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethnographic research]. St. Petersburg: Blits. 224 p. [in Russian].
- Kabuzan, 1996b** – Kabuzan V.M. (1996). Russkie v mire [Russians in the world]. St. Petersburg: Blits. 354 p. [in Russian].
- Kipkeeva, 2008** – Kipkeeva Z.B. (2008). Severnyy Kavkaz v Rossiyskoy imperii: narody, migratsii, territorii [The North Caucasus in the Russian Empire: peoples, migrations, territories]. Stavropol: Publishing house of the Stavropol State University. 432 p. [in Russian].
- Kudaeva, 2014** – Kudaeva S.G. (2014). Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva [Circassians of the North-Western Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of Adygeyan society]. Maykop: Publisher “Magarin O.G”. 388 p. [in Russian].
- Maksudov, 2010** – Maksudov S. (2010). Chechentsy i russkie: pobedy, porazheniya, poteri [Chechens and Russians: victory, defeat, loss]. Moscow: International Institute for Humanitarian and Political Studies. 473 p. [in Russian].
- Narody Dagestana, 2002** – Narody Dagestana [The peoples of Dagestan]. Moscow: “Nauka”, 2002. 588 p. [in Russian].
- Osmanov, 1974** – Osmanov M.–Z.O. (1974). Rasselenie i chislennost' dargintsev v XVIII–XIX vv. // *Dagestanskiy etnograficheskiy sbornik*. Is. I. Makhachkala: [n.a.], pp. 146–196. [in Russian].
- Pervaya vseobshchaya, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [First Russian Imperial Census 1897]. Is. 62. Dagestanskaya oblast' [Dagestan Region]. Moscow: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. 212 p. [in Russian].
- Potto, 1892** – Potto V.A. (1892). Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo polka [The history of the 44th Dragoon Nizhny Novgorod Regiment]. In 11 vol. St. Petersburg: Tipolitografiya R. Golike. 184 p. [in Russian].
- Rakovich, 1900** – Rakovich D.V. (1900). Tenginskiy polk na Kavkaze. 1819–1846. [Tenginsky regiment in the Caucasus. 1819–1846]. Tiflis: Typography of the Chancery of the Chief Civilian in the Caucasus. 494 p. [in Russian].

Sbornik svedeniy, 1868 – Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. Is. I. Tiflis: Typography of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1868. 431 p. [in Russian].

Takhir, 1990 – *Takhir M.* (1990). Tri imama [Three Imams]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 100 p. [in Russian].

Uralnis, 1960 – *Uralnis B.T.* (1960). Voyny i narodonaselenie Evropy. Istoriko-statisticheskoe issledovanie. Wars and population of Europe. Historical and statistical research. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature. 565 p. [in Russian].

Fedorov, 1879 – *Fedorov M.F.* (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Marriage notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Caucasian collection*. Vol. 3. Tiflis: Printing house of the district headquarters of the Caucasian military district. URL: <http://www.adjutant.ru/kavkaz/kso3-10.htm> (accessed on: July 2, 2017) [in Russian].

Sheudzhen i dr., 2004 – *Sheudzhen A.K., Galkin G.A., Tkhakushinov A.K.* (2004). Zemlya adygov [Land of Adygs]. 2nd ed. Maykop: SURPPE “Adygeya”. 1004 p. [in Russian].

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. № 1 (43). pp. 68–85 [in Russian].

УДК 94(47)

Демографические последствия Кавказской войны: к вопросу о боевых потерях горцев

Евгений Федорович Кринко ^{a, b*}, Сергей Яковлевич Суций ^{a, b}, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{c, d}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

^c Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Кавказская война привела к негативным демографическим последствиям. Однако на динамику численности населения Северного Кавказа влияли не только боевые действия, но и другие факторы. Военные действия не стали демографической катастрофой для горских сообществ, многие из которых сохранили свою численность и воинский потенциал. Центральным фактором повышенной демографической убыли горского населения на протяжении всего столетия оставалась детская сверхсмертность. Значительные изменения в численности и составе населения региона произошли уже после войны. Они были вызваны переселением части горцев Северного Кавказа в Османскую империю и заселением данных территорий представителями других народов.

Достоверной статистики о численности населения Северного Кавказа в годы Кавказской войны не существует. В статье использовались данные разных авторов о потерях населения и русской армии в годы Кавказской войны, а также материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г.

Ключевые слова: Кавказская война, военные потери, горцы Северного Кавказа, демографическая статистика, этнодемографические процессы, махаджирство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко), anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)